

С. В. Тербова

Научный руководитель: А. А. Моисеева,
кандидат филологических наук, старший преподаватель (ПГНИУ)

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГОФМАНОВСКОГО ОБРАЗА ОЖИВАЮЩЕЙ КУКЛЫ-ДЕВУШКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX В.

В данной статье рассматриваются причины популярности Э. Т. А. Гофмана в России и его влияние на русскую литературу. Представляется возможным проследить судьбу одного гофмановского образа в русской литературе, а именно образа оживающей куклы-девушки. Необходимо отметить, что этот образ существует у Гофмана в двух вариантах: положительный мужской образ куклы (Щелкунчик) и отрицательный образ (Олимпия). Поскольку русские писатели в своих произведениях по преимуществу апеллируют именно ко второй разновидности гофмановского образа куклы-девушки, появляющейся в новелле «Песочный человек», именно она представляет интерес для настоящего исследования.

Цель работы – исследовать специфику переосмысления фантастической образности Гофмана в русской прозе на примере образа оживающей куклы – девушки в произведениях XIX (А. Погорельский «Пагубные последствия необузданного воображения», В. Ф. Одоевский «Сказка о том, как опасно девушкам гулять по Невскому проспекту») и начала XX века (А. Грин «Серый автомобиль», Ю. К. Олеша «Зависть», «Три толстяка»).

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- продемонстрировать связь образа оживающей куклы-девушки в произведениях А. Погорельского, В. Ф. Одоевского, Ю. К. Олеша и А. Грина с гофмановской традицией;
- проследить эволюцию образа оживающей куклы-девушки в русской литературе XIX – первой половины XX в.

На современном этапе развития литературоведческой науки изучение любой национальной литературы неизбежно оказывается ограниченным, если она рассматривается вне мирового художественного процесса. Около полутора столетий тому назад Гете впервые сформулировал понятие «мировая литература», имея в виду «диалектическое взаимодействие многосторонних культурных связей, обогащающих отдельные национальные культуры» [1, с. 3].

Восприятие творчества Э. Т. А. Гофмана русской литературой представляет собой «важную страницу в богатой фактами истории русско-немецких литературных взаимосвязей. Это восприятие по-своему отражает процессы, происходящие в русской литературе, точнее – в русской прозе, и в развитии русской эстетической мысли в целом» [1, с. 5]. Исследо-

вать влияние Гофмана на русскую литературу – задача очень глобальная, этой темой занимались и продолжают заниматься многочисленные исследователи.

«В 30-е гг. знакомство с Гофманом в определенных кругах считалось чем-то вроде признака хорошего тона. Большой интерес вызывала личность писателя. От своих соотечественников таких похвал, как от русских критиков, писатель не устаивался. Однако, как считают исследователи, популярность гофмановского творчества в России во многом определялась общественно-исторической ситуацией в стране в 30–40-е гг., более того, эпоха требовала осмысления жизненных процессов, открывающихся современникам в своей неоднозначной сложности, новых образов. Мир понимался как вселенная в ее космических и абсолютных масштабах (романтический универсум). Не только внешние условия жизни страны, но и внутренние потребности эстетического развития приводили к увлечению немецкой культурой в целом. Этими факторами обусловлено влияние гофмановского творчества на литературное развитие России на рубеже 20–30-х гг.» [2].

В рассматриваемых произведениях XIX в., безусловно, образ куклы Аделины у А. Погорельского и безымянной куклы-девушки у В. Одоевского имеет существенное сходство с образом Олимпии в «Песочном человеке» – в частности, подчеркивается ангельская красота обеих. У Погорельского: «Ангельская невинность блистала в ее взорах. Нет! ни гений Рафаэля, ни пламенная кисть Корреджия – живописца граций, ни вдохновенный резец неизвестного ваятеля Медицейской Венеры никогда не производили такого лица, такого стана, такого собрания прелестей неизъяснимых! Она взглянула на нас и улыбнулась. Какой взгляд, какая улыбка!» [8].

«С этой роковой минуты образ неизвестного мне ангела не выходил из моей памяти» [8]. У Гофмана: «В комнате перед маленьким столиком, положив на него сложенные вместе руки, сидела высокая, очень стройная, соразмеренная во всех пропорциях, прекрасно одетая девица. Она сидела напротив дверей, так что я мог хорошо рассмотреть ее ангельское личико. В ее глазах было какое-то оцепенение, им недоставало зрительной силы, словно она спала с открытыми очами» [3, с. 124]. У всех этих авторов кукла, во-первых, имеет женский облик. Во-вторых, обладает демонической силой обаяния и тем самым притягивает главного героя. В-третьих, кукла-девушка губит влюбленного в нее главного героя. В четвертых, сам процесс создания куклы изображен как некое таинство, магия; рядом с ней появляются образы ее демонических создателей. Однако переосмысление русскими авторами гофмановского образа куклы-девушки имеет место и связано не с планом выражения, а с планом содержания. Как у Погорельского, так и у Одоевского присутствует моралистическая концовка. Так

В. Ф. Одоевский в финале произведения напрямую утверждает: «А кто всему виною? сперва басурмане, которые портят наших красавиц, а потом маменьки, которые не умеют считать дальше десяти. Вот вам и нравоучение» [6]. Хотя и в шуточной форме, но писатель затрагивает социальные и культурные реалии своего времени, а именно проблему воспитания. У Погорельского мораль заключена уже в самом заголовке: «Пагубные последствия необузданного воображения». Ведь до конца остается неясным, кто же все-таки погубил Алцеста, его пристрастие к воображению или кукла: «Одна только черта в его характере меня тревожила: Алцест, одаренный пылким воображением, имел непреодолимую страсть ко всему романическому, и, по несчастию, ему никогда не препятствовали удовлетворять оной» [8]. Таким образом, хотя А. Погорельский и В. Ф. Одоевский предоставляют возможность читателю самостоятельно сделать выводы, они все же подталкивают его к моралистическому истолкованию.

Гофмановская традиция создания образа куклы-девушки также была проанализирована на примере произведений неоромантиков XX в., А. Грина и Ю. К. Олеши. У А. Грина это уже не механическая кукла, а восковая фигура. Однако образ Коррид Эль-Бассо – восковой фигуры – все столь же прекрасен, она притягивает героя своей красотой и загадочностью. Главный герой уже не истинный романтик, и он не предается романтическим порывам. Он человек из мира вещей, задумывающийся о самой жизни, ее проблемах, искусстве, свободе: «Быстрота агента компании, совершающей торговые обороты, увеличивает количество, но не качество достигаемого, ... деревцо растет столетиями, ... корова вырастает в два года, ... алмаз и золото не имеют возраста. Персидские ковры создаются годами, ... еще медленнее проходит человек дорогой науки» [4]. В качестве специфического отличия произведения А. Грина следует отметить, что до конца остается непонятным, является ли Коррида-Эль-Бассо восковой фигурой или все-таки девушкой, которая кажется герою куклой из-за своей бездушности и пустой, «кукольной» жизни. Тем не менее Коррида выполняет в произведении функции «гофмановской куклы». Мы видим, что она вторгается в жизнь главного героя и разрушает ее: пусть Сидней и не умирает, но он сходит с ума.

Наиболее переосмысленным по отношению к «гофмановскому» первоисточнику образом «оживающей куклы-девушки» является образ Суок у Ю. К. Олеши в сказке «Три толстяка» [7]. Перед нами уже не девушка-кукла, как в других произведениях, а девочка. Более того, девочка-кукла является положительным героем, и конец сказки счастливый. У Олеши нет злых, демонических сил, которые бы на протяжении всего произведения вмешивались в судьбу героев. Хотя так же, как и у Гофмана, у Олеши много фантастического в сюжете. Применительно к «Зависти» Ю. К. Олеши также можно говорить о некоторых аллюзиях на гофманов-

ский образ «женщины-куклы», хотя Олеша в этом произведении создает новый образ, образ женщины-механизма. Загадочная Офелия – машина, а не кукла.

В числе образов-мотивов, пронизывающих мировую культуру по вертикали, кукле (во множестве ее разновидностей) принадлежит одно из ведущих мест. Двойственная природа куклы позволяет ей участвовать в многочисленных превращениях (человека в куклу и наоборот). По словам Ю. М. Лотмана, «в нашем культурном сознании сложилось как бы два лица куклы: одно манит в уютный мир детства, другое ассоциируется с псевдожизнью, мертвым движением, смертью, притворяющейся жизнью. Первое глядится в мир фольклора, сказки, примитива, второе напоминает о машинной цивилизации, отчуждении, двойничестве» [5, с. 379]. Среди рассмотренных в данной работе образов «оживающих кукол» в произведениях русских авторов преобладают отрицательные. Лишь одно произведение «Три толстяка» Ю. К. Олеси выбивается из этого ряда. Девочка-кукла Суок, действительно, манит в уютный мир детства, в то время как остальные образы унаследовали типичные черты гофмановской куклы-девушки – с ангельским личиком, но с мертвым механическим сердцем.

Итак, связь образа «оживающей куклы-девушки» в произведениях А. Погорельского, В. Ф. Одоевского, А. Грина и Ю. К. Олеси с образом «оживающей куклы-девушки» Э. Т. А. Гофмана представляется выявленной. При этом отмечается эволюция данного образа в русской литературе, его индивидуализация особенно заметна на примере творчества представителей неоромантического течения в литературе начала XX в. – А. Грина и Ю. К. Олеси.

Стоит добавить, что дальнейшее исследование образа оживающей куклы-девушки представляется перспективным, поскольку в данной работе были рассмотрены лишь эпические произведения русских авторов XIX – первой половины XX в. Интересные результаты может дать поиск художественных презентаций гофмановской куклы не только в эпических, но и в лирических и драматических произведениях, в том числе и в современной литературе, возможно, не только русской. Кроме того, компаративистика как наука в XXI в. открывает новые возможности. Актуальными становятся сопоставления произведений художественной литературы и произведений других областей искусства, таких как кинематограф, балет, живопись.

Список литературы

1. Ботникова А. Б. Гофман и русская культура. Первая половина XIX века. К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1977. 206 с.
2. Ботникова А. Б. Немецкий романтизм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/botnikova-nemeckij-romantizm/gofman-i->

- russkaya-literatura.htm (дата обращения: 10.01.2014).
3. *Гофман Э. Т. А.* Песочный человек : повести. М., 1992. 271 с.
 4. *Грин А.* Серый автомобиль [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/200363/read> (дата обращения: 17.01.2014).
 5. *Лотман Ю. М.* Куклы в системе культуры // Ю. М. Лотман. Избр. статьи : в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 377–380.
 6. *Одоевский В. Ф.* Сказка о том, как опасно девушкам гулять по Невскому проспекту [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/328923/read#t8> (дата обращения: 17.01.2014).
 7. *Олеша Ю. К.* Три толстяка // Сказки русских писателей / сост. А. П. Аникин. М., 1990. С. 259–355.
 8. *Погорельский А.* Пагубные последствия необузданного воображения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/351225/read#t7> (дата обращения: 17.01.2014).